

ПЕРВЫЙ в 2013 году номер журнала «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» посвящен вопросу взаимоотношений науки и религии в контексте Научной революции XVII века. Принимая во внимание многообразие сложившихся методологических подходов, мы не претендуем на полный охват заявленной проблематики: в этом выпуске журнала акцент сделан на проблемах историографии Научной революции и переосмыслении значения широкого культурного контекста для истории науки.

Как говорил Александр Койре, в истории научного знания сложно найти событие, сопоставимое по своему значению с «духовной революцией XVII века, по отношению к которой современная наука является одновременно и корнем, и плодом»¹. Почти с самого начала существования истории науки как самостоятельной дисциплины понятие «Научная революция» было краеугольным камнем исторических исследований. Бережно собирая факты и располагая их в рамке единого концептуального каркаса, «классическая» историография предлагала различные концепции генезиса и развития западноевропейского естествознания, связанные со знакомыми каждому историку науки именами Дж. Сартона, А. Койре, А. Холла, Р. Вестфолла и многих других². Объединяла эти концепции вера в существование решительного перелома в развитии человеческой культуры, который состоялся в эпоху Научной революции и связывался с открытиями тех или иных ученых Нового времени.

Если долго повторять одно и то же слово, начинает казаться, что ты уже не понимаешь его значения. Подобная судьба ждала и понятие «Научной революции», о котором писали и говорили

1. *Koyre A. From the Closed World to the Infinite Universe. Baltimore: John Hopkins Press, 1957. P. 1* [рус. изд.: *Койре А. От замкнутого мира к бесконечной Вселенной. М.: Логос, 2001*].
2. Подробный обзор историографии проблем, связанных с событием Научной революции, представлен в книге: *Cohen H. F. The Scientific Revolution: A Historiographical Inquiry. Chicago: University of Chicago Press, 1994.*

столь много и столь долго, что через какое-то время у исследователей возникло обоснованное подозрение относительно того, знаем ли мы на самом деле, что такое Научная революция, и даже относительно самого события — имело ли оно место в действительности. Это «подозрение» стало предпосылкой для развития «новой» историографии Научной революции, расцвет которой пришелся на 70–90-е гг. XX века, и чьи теоретические подходы, направленные на деконструкцию упрощающего процесс развития науки великого нарратива «классической» историографии, господствуют в современной истории науки³.

Общим местом «новой» историографии стало рассмотрение феномена Научной революции через призму истории культуры. Едва ли не важнейшей частью этого подхода стало определение степени и характера влияния религии и теологии, прежде всего христианской догматики, герметической традиции и магико-окультурных практик, на процесс развития западноевропейского естествознания. Хотя о позитивном влиянии религии говорили задолго до второй половины XX века, именно в это время увидело свет значительное количество публикаций, в которых подчеркивалась взаимозависимость религиозных и научных идей. Их авторы настаивали на необходимости пересмотра сложившегося «стереотипа», согласно которому в эпоху Научной революции произошло «рождение новой науки» и, соответственно, ее отделение от религии⁴.

Открывает подборку материалов в нашем номере статья Джона Брука «Наследие Роберта Бойля вчера и сегодня». В этой статье Дж. Брук подводит итоги своих многолетних исследований проблемы взаимосвязи научных и религиозных интересов в творчестве известного английского ученого, показывая актуальность и целостность его мирозерцания. По мнению автора, случай Р. Бойля «иллюстрирует мысль, о которой иногда забывает современный мир: у христианской теологии имелись средства для того, чтобы поддерживать, легитимировать, а в некоторых случаях и мотивировать тщательные исследования природы».

3. Из наиболее значимых сборников «новой» историографии стоит специально отметить: *Reappraisals of the Scientific Revolution*/Ed. by Lindberg D. C., Westman R. S. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; *Rethinking Scientific Revolution*/Ed. by Osler M. J. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
4. Брук по праву считается одним из отцов-основателей научного дискурса «Наука и религия», прежде всего, благодаря его труду: *Brooke J. H. Science and Religion: Some Historical Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991 [рус. изд.: *Брук Дж. Х. Наука и религия: Историческая перспектива*. М.: ББИ, 2004].

Маргарет Ослер (1942–2010), известную своими трудами о теологических предпосылках творчества П. Гассенди и Р. Декарта⁵, можно назвать одним из лидеров новой историографии. В своей статье «Религия и меняющаяся историография научной революции» М. Ослер раскрывает основное содержание парадигмы «классической» историографии и стремится показать, что процесс ее складывания напрямую соотносился с представлением о конфликтном характере взаимоотношений науки и религии. Преодоление этого представления она связывает с «новой» историографией Научной революции, появление которой было ознаменовано, несколько условно, публикацией статьи «Ньютон и „Флейты Пана“» (1966), в которой говорилось о необходимости целостного понимания творчества Исаака Ньютона и о невозможности рассматривать его ни как «последнего из магов», ни как «первого из ученых»⁶.

Статья Джона Генри «Включение оккультных традиций в натурфилософию раннего Нового времени: новый подход к проблеме упадка магии» обращает внимание читателей на значение магической традиции для понимания процесса развития западноевропейского естествознания. По его мнению, в раннее Новое время произошло разделение единой магической традиции: одни магические идеи стали частью новой философии природы XVII века, другие — были вытеснены на обочину интеллектуальной жизни Европы и стигматизированы как нерациональные и ненаучные. В связи с этим Дж. Генри призывает говорить о трансформации магии в науку, а не об упадке магии, поскольку последний взгляд является чрезмерной модернизацией исторических реалий эпохи Научной революции.

Проблема влияния «герметического фактора» на развитие западноевропейского естествознания продолжает оставаться в центре современной дискуссии. В небольшой статье «Герметическая традиция и научная революция: к новой интерпретации тезиса Фрэнсиса А. Йейтса» Виктор Визгин раскрывает специфическую

5. *Osler M. J. Reconfiguring the World: Nature, God, and Human Understanding from the Middle Ages to Early Modern Europe.* Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2010; *Osler M. J. Divine Will and the Mechanical Philosophy: Gassendi and Descartes on Contingency and Necessity in the Created World.* Cambridge: Cambridge University Press, 1994; *Osler M. J. Atoms, Pneuma, and Tranquillity: Epicurean and Stoic Themes in European Thought.* Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
6. *McGuire J. E., Rattansi P. M. Newton and the «Pipes of Pan» // Notes and Records of the Royal Society of London. Dec. 1966. Vol. 21. No. 2. P. 138.*

структуру историографического поля, сложившегося вокруг проблемы герметизма. Показывая, что принятие и отрицание «герметического фактора» зависит от метаисторической установки историка, он подчеркивает значение христианства в процессе рождения науки Нового времени.

Статья Аллисон Кудер «Смех над легковерием и предрассудками в „длинном восемнадцатом столетии“» посвящена проблеме различения реального и воображаемого, факта и выдумки в эпоху Научной революции, причем, в отличие от других авторов этого номера, она использует в основном материал художественной культуры и публицистики. Автор стремится скорректировать расхожее мнение о тогдашней сатире как своеобразной «служанке науки», выступавшей на стороне тех, кто считал необходимым бороться с религиозными предрассудками. По мнению А. Кудер, смеховая культура и сатира переходной эпохи XVII–XVIII вв. выступали в качестве универсальных средств борьбы с догмами и нормами, представляя собой своеобразную альтернативу как «научному», так и «религиозному» дискурсам — в равной степени авторитарным и порождающим стереотипы и суеверия.

Одной из популярных тенденций современной историографии Научной революции является демонстрация исторического характера формирования базовых категорий исторического анализа, прежде всего таких, как «Научная революция» и «наука». Завершающая тематический раздел журнала статья Владислава Раздьяконова «Концепт „история виггов“ в новой историографии Научной революции» посвящена проблеме соотношения обобщающего теоретического аппарата историка и конкретного исторического материала. Анализируя несколько известных историографических дебатов, разгоравшихся между сторонниками «традиционной» и «новой» историографии Научной революции, автор приходит к выводу о невозможности отказа от классических исторических научных категорий.

Непосредственное отношение к главной теме номера имеют три интервью, посвященные специфике исторического и, шире, гуманитарного подхода к изучению науки. Илья Касавин рассказывает об истории исследований проблем взаимоотношения науки, теологии и философии в Институте философии РАН в советское и постсоветское время, а также о роли «герметического фактора» в процессе становления западного естествознания. Евгений Рашковский обращает внимание на специфику западноевропейского научного проекта, его рецепцию в России, а так-

же на причины, по которым необходимо помнить о позитивном влиянии христианского мирозерцания на генезис науки Нового времени. Вадим Рабинович рассказывает о «цензурной» истории первого издания его труда «Алхимия как феномен средневековой культуры», об особенностях выработанного им стиля, а также о месте алхимической традиции в истории становления современной науки.

Кроме этого, в номере опубликован перевод текста Роберта Бойля «Размышления об одной теологической дистинкции, подобно которой говорится, что некоторые догматы веры превыше разума, но не противоразумны» (с предисловием Алексея Апполонова). Также читатель найдет несколько рецензий на книги, в которых затрагиваются вопросы взаимоотношений религии и науки в эпоху Научной революции.

Редакция надеется, что тематические материалы настоящего номера станут вкладом в дело развития истории науки в России через ознакомление заинтересованных читателей с одним из важных ее аспектов. Влияние научных идей и технологий на окружающий нас мир неоспоримо, и, кажется, было бы уместным вспомнить сказанные когда-то Ричардом Вестфоллом слова о том, что история науки и рассказ о Научной революции должны занимать важное место в любом историческом курсе, претендующем на объяснение истоков того мира, в котором мы живем⁷.

7. *Westfall R. S. The Scientific Revolution // History of Science Society Newsletter. July 1986. Vol. 15. No. 3.*